

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(57.151),–1”

З.С. Самашев

Казахский Алтай в контексте этносоциокультурных процессов в Центральной Азии во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Берельских курганов)

В статье автор рассматривает проблемы культуригенеза и политического устройства скифского общества на примере Берельских курганов Алтая. Исследователи полагают, что на формирование пазырыкской культуры могли оказать влияние события на Востоке после создания в 553 г. до н.э. Ахеменидской державы; положение в древнекитайских царствах до создания в 221 г. до н.э. централизованного государства императором Цинь Шихуанди. Берельцы представляли собой сложное полиэтничное общество ранней государственности и могли находиться под вассальной зависимостью от юечжи, которые, возможно, и создали пазырыкскую культуру. Об этом косвенно говорит слабая милитаризованность берельцев и возможная дифференциация внутри самой аристократической прослойки номадов. Пазырыкцы установили контакты с Согдой, Бактрией и Хорезмом, которые считались сатрапиями при ахеменидах. Способы ведения полуосёдлого хозяйства с вертикальным кочеванием по горным лугам, формы жилища, одежда, украшения и оружие номадов I тыс. до н.э. повлияли на формирование культурных комплексов у многих средневековых народов Центральной Азии. Так, кочевая культура казахов многое унаследовала от алтайских скифов, этнический облик которых изменился в эпоху возвышения хуннов после 208 г. до н.э.

Ключевые слова: археология, Алтай, Казахстан, курганы Береля, скифы, пазырыкцы, юечжи, номады, погребения с конём, культ грифона.

Берельские курганы, исследованные нами в 1998–2011 гг., расположены на территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан, в семи километрах к юго-западу от одноименного села, на третьей цикловой террасе р. Бухтарма, в непосредственной близости от высокогорного плато Укок, Монгольского Алтая и Синьцзяня.

Для исследования на могильнике нами был выбран самый крупный объект, который впоследствии вошел в историю науки как Берельский курган № 11, где в условиях вечной мерзлоты сохранились в неплохом состоянии образцы художественных произведений и другие артефакты, которые оказались особо ценными для реконструкции погребально-поминальной об-

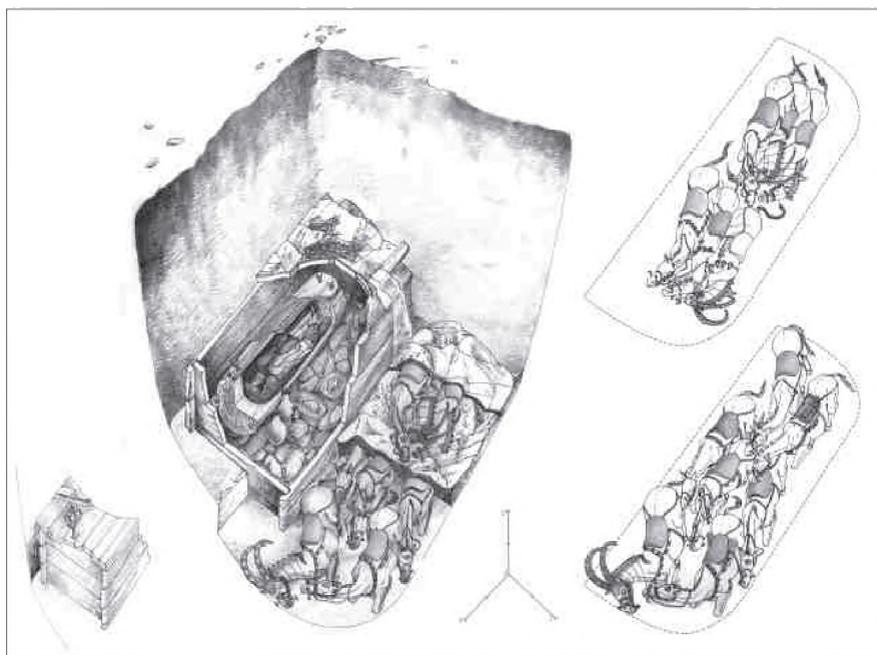

Рис. 1. План разреза Берельского кургана №11 с погребениями лошадей

рядности, мировоззрения и разработки многих аспектов хозяйственной деятельности древних кочевников.

Под каменным сооружением Берельских курганов термические условия отложений резко отличаются от естественной обстановки. Здесь возникают условия, способствующие глубокому сезонному промерзанию, формированию перелетков и даже маломощных массивов вечной (многолетней) мерзлоты, которую обычно именуют подкурганной мерзлотой. Она была исследована Казахской высокогорной лабораторией Института мерзлотоведения Якутского научного центра СО РАН.

Общими для большинства курганов Береля является то, что умершие были положены на дне глубокой погребальной камеры в саркофаги-колоды, заключенные в срубы или в деревянные рамы (1-3 венца), на спину, головами были ориентированы на восток; их сопровождали от 1 до 17 лошадей, заупокойная пища, предметы вооружения и быта. Сруб с колодой внутри располагался вплотную к южной стенке, а так называемый «конский отсек» – с северной стороны сруба, ближе к северной стенке погребальной камеры (рис. 1). Предварительные результаты молекулярно-генетических и антропологических исследований человеческих останков в кургане № 11 показали смешанный антрополо-

гический тип мужчины: в нем присутствуют и европеоидный и монголоидный компоненты.

Пролом, зафиксированный в теменной части черепа мужчины, и многочисленные сросшиеся переломы на ребрах и позвонках свидетельствуют о суровой воинской жизни мужчины и о том, что, вероятно, он умер не своей смертью. Трепанционное отверстие диаметром около 70 мм на черепе мужчины является наиболее очевидным свидетельством посмертных манипуляций с телом. Древние берельцы применяли ртуть для бальзамирования тел погребаемых. В ходе медико-биологических исследований останков и мягких тканей мужчины выявлены некоторые заболевания.

Интересные предположения генетиков касаются возраста и родственных связей погребенных: женщина была несколько старше мужчины, возраст которого определен в интервале от 30 до 40 лет. Полагают, что мужчина и женщина являлись близкими родственниками: в большей степени вероятности – сыном и матерью, а в меньшей – братом и сестрой.

При палинологическом анализе содержимого пищеварительного тракта некоторых лошадей были обнаружены остатки хвощов, фрагменты стеблей злаков, волокна луба. По предварительному заключению палинологов, захоронение было произведено в начале лета.

Вещевой комплекс Береля: состав и содержание. Найденные в курганах Береля артефакты можно сгруппировать по нескольким категориям: культовые изделия, костюм, предметы бытового и хозяйственного назначения, конское снаряжение.

Круг изобразительных мотивов художественных изделий из Берельских курганов определяется образами реальных животных и фантастических существ, а также растительными узорами. Иногда встречаются сильно стилизованные зооморфные образы.

Специфика художественных изделий из погребальных памятников состоит в том, что они, независимо от того использовались или нет в реальной жизни, предназначены для осуществления определенного ритуала, предписанного существующими в социуме нормами религиозно-обрядовых процедур при подготовке умершего к новой жизни и к переходу его из мира живых в мир мертвых, что предусматривает перекодировки их прежнего знаково-понятийного содержания как образов-изображений и превращения их в новый текст (мифологический), для расшифровки которого требуется уже иной ключ.

Перекодировка метаязыка образов-изображений происходит и при изготовлении аналогов реально бытовавших в данной среде вещей, предназначенных для проведения обрядов «перехода» и сопровождения умершего в инобытие.

Ясно, что и при искусствоведческом подходе к изучению образов художественно оформленных «курганых» вещей необходим учет контекста погребально-поминальной обрядности и религиозного воззрения создателей конкретной археологической культуры, конкретной исторической эпохи.

Из художественных образов, использовавшихся в декоре берельских изделий, наиболее заметен образ «грифона». Во многих случаях грифонами обычно называются все художественные образы, которые не соответствуют природному прототипу, или, в зависимости от преобладания тех или иных признаков (иконических элементов), к этому определению (обозначению) добавляются качественные характеристики, например, орлиноголовый грифон (хотя все грифоны грифо- или орлиноголовые), тигрогрифон, лосегрифон, конегрифон и т.д.

Основной морфологической константой художественного образа грифона как сложного знакового комплекса являются клюв и крылья хищной птицы – грифа или орла, а изображение туловища того или иного животного может меняться и определяется в зависимости от функционального назначения вещи и мифоритуального контекста. Грифа, природную хищную птицу, нельзя отождествлять с порожденным человеческой фантазией чудовищем – грифоном и его иконическим знаком в произведениях декоративно-прикладного искусства.

Мифологический и художественный образы грифона, видимо, претерпели, по мере распространения в другие этнокультурные зоны, существенную трансформацию от мирного до агрессивного.

Образ грифона в мифологии и искусстве у центральноазиатских кочевников формируется, по-видимому, не раньше VII–VI вв. до н.э. (если не путать его с протомы хищных птиц в раннесакских памятниках), а полный расцвет и всплеск, с различными вариациями его трактовки, согласно данным элитных и рядовых пазырыкских курганов Горного Алтая и Береля в Казахском Алтае, относится к IV–III вв. до н.э. Вполне возможно, что классический вариант образа грифона – «собака Зевса» – с телом льва и головой хищной птицы в мифологии античной Греции сформировался под воздействием мифоритуального комплекса кочевых народов Алтайской горной системы, скорее всего, после VI в. до н.э.

Предметов культового назначения, найденных в берельских курганах, – единицы.

Сакрально-магический атрибут, символ верховной власти – штандарт, пока единственный предмет, оформленный в виде скульптурного образа синкретического существа грифона – тело хищника с хвостом, крыльями и клювом птицы, т.е. в том виде, каким его восприняли близкие соседи пазырыкцев и отдаленные народы. Сейчас очень сложно выяснить, почему древние берельцы выбрали в качестве главного государственного символа синкретический образ тигрогрифона? Гриф – огромная, парящая (в поисках падали) неизменно над людьми (зверями и домашним скотом) хищная птица. Постоянное присутствие грифа в зримом пространственно-временном континууме могло породить

в мифопоэтическом сознании живущих в горно-долинных и степных просторах людей (скотоводов, горняков и металлургов) представление о грифе, как о всемогущем небесном покровителе земных богатств (в том числе, например, золотодобывающих приисков), о его фантастических инкарнациях – кошачьих хищниках, копытных и др. Другая ипостась грифона – кошачий хищник, тигр, быстрый, ловкий и грозный земной зверь, также занимала в мифологическом сознании соответствующее место. Когда в вербальной характеристике ассоциированного мифологического образа (грифона) вышеуказанные свойства природных прототипов получают уже целостное оформление как устойчивая система взаимосвязей, то через определенное время происходит его художественное воплощение, в том числе и в виде так называемого «зооморфного превращения». Когда этот образ становится уже всеобъемлющим фактором духовной сферы жизнедеятельности социума, он превращается в эмблему общества.

Миниатюрные деревянные, лакированные тонким золотом фигурки синкретических зооантропоморфных существ с телом хищного зверя и с человеческой головой, квалифицируемые как сфинксы, могли украшать церемониально-погребальное облачение, скорее, женщины. Наличие одной центральной фигурки с двумя соединенными вместе звериными туловищами при одной общей голове, посаженной на шею, которая «вырастает» вверх с места стыка тел, и нескольких отдельных статуэток с право- и левосторонними корпусами позволяет предполагать, что костюм женщины включал компонент, состоявший из набора нескольких таких миниатюрных полиморфных существ.

Образ «сфинкса» присутствует и среди аппликаций седельных покрывшек. Декор деталей амуниции коней состоит из образов, типичных для пазырыкского декоративно-прикладного искусства: изображений реальных представителей фаунистического комплекса Алтая (рогатых копытных – оленей, лосей, архаров и различных хищников, а также птиц, рыбы и др.) и вымышленных персонажей, сочетающих видовые признаки нескольких природных прототипов животных и даже с чертами антропоморфизма.

В убранстве животных строго выдерживался определенный принцип, направленный на

то, чтобы придать каждому коню свой особенный образ.

Концы некоторых псалиев и развилки оформлены в виде полных фигур в профиль или частями этих существ в технике низкого рельефа.

Изображения сцен терзания относятся к числу доминирующих в изобразительном искусстве кочевников. Полнофигурные сцены терзания вырезаны техникой низкого рельефа на двух разновеликих прямоугольных плакетках из кургана № 11, которые, видимо, являлись украшениями деталей седельных принадлежностей.

Среди изображений синкретических существ особое место принадлежит полиморфным существам с антропо-, зоо-, орнитоморфными признаками, запечатленным на войлочной покрывшке одного из седел в кургане № 10. Самым примечательным элементом художественного образа существа является строго профильная голова бородатого антропоморфа, увенчанная серповидно изогнутыми рогами горного козла, и маленькое, но выразительное ухо. Двойственная природа существа подчеркнута тем, что задняя половина тела окрашена в красный цвет, а передняя – в синий. Видимо, такое цветовое противопоставление не случайно. Можно предположить, что передняя часть тела, отмеченная синим небесным цветом и наличием небесного и высотного элементов – крыла и рога, символизирует наиболее значимые сакральные сферы представлений, а задняя половина тела существа с красным оттенком – земные. В то же время покрывшка седла коня, положенного рядом, содержит сходную композицию из вереницы петухов, у которых крылья и задняя часть имеют красную окраску.

Человеческая голова с рогами и ушами горного козла у рассматриваемого существа в свете гипотезы зооморфных превращений может быть трактована не как простая трансформация образа хищника, а как изображение маски: не человек имеет звериное тело, а зверь имеет человеческую маску.

Отметим одно украшение седельной покрывшки из кургана № 11 в виде фигуры крылатого коня в маске с рогами. Это фрагмент, скорее всего, многофигурной композиции (возможно, построенной по принципу симметрии).

Одним из загадочных образов, использованных пазырыкскими мастерами для воплоще-

ния своих художественных замыслов, является петух. Вероятно, необычные природные качества петуха – разноцветная окраска тела и гребешка, способность к пению в конкретные суточные циклы и другие особенности предопределили возникновение и популярность его образа в мифологии и в изобразительной деятельности различных народов.

Природа мифологического образа петуха изначально амбивалентна: наряду со способностью видеть первым зарю и возвещать своим криком наступление дневного цикла, со связью с солнцем и огненной стихией, плодovitостью, с женским началом, охранительными функциями и другими, он символизирует смерть и тьму, а также воскресение из мертвых и перевоплощение. Поэтому его образ обычно рассматривают в контексте моделирования всего комплекса «жизнь – смерть – новое рождение». Именно в таком контексте, видимо, представлен образ петуха на аппликациях покрывшек двух седел из кургана № 10.

Явно «непрестижный» для номада ихтиоморфный образ почему-то стабильно присутствует в искусстве и идеологии у многих кочевых народов во всем поясе евразийских степей, начиная с раннесакского времени. Естественно, водная сфера и ее обитатели в древности породили у людей различные ассоциации и мифопредставления, которые отразились в их религии и в художественном творчестве.

В кургане № 11 найдена седельная подвеска в виде рыбы из нескольких кусочков тончайшего войлока, соединенных между собой аккуратными швами. По бокам расположены три пары плавников. Изображение идентифицируется как сильно стилизованный таймень или налим. Если коню придавали образ фантастической птицы, призванной доставить душу умершего в иной мир, то рыба, возможно, могла помочь преодолеть преграды на пути, создаваемые водной стихией. Тем более, что река, особенно в горах, в мифологическом сознании являлась связующей дорогой между сферами мироздания.

Таким образом, рассмотренные нами великолепные образцы художественной культуры, связанные со сложной системой погребально-поминальной обрядности, демонстрируют высокий уровень мастерства древних резчиков, ху-

дожников и специфическое отражение в них мифопоэтического образа мышления, религиозного верования и в целом мировоззрения древних номадов Казахского Алтая.

Хозяйство населения Казахского Алтая в середине – второй половине I тыс. до н.э.

Природно-климатические условия Казахского Алтая способствовали в первую очередь ведению коневодства, основанного на круглогодичном содержании на подножном корме, как ведущей формы скотоводческого хозяйства у берельцев. В курганах Береля зафиксировано более 80 костных останков лошадей. Все сопребенные с человеком животные из Берельских курганов – жеребцы. Это ритуальная норма.

Короткое и холодное лето, обилие снежного покрова зимой в межгорных впадинах не были идеальными и для разведения овец, тем не менее необходимое количество мелкого рогатого скота для получения животноводческой продукции (мясо, шерсть, кость для обработки), судя по материалам погребальных памятников, у них было.

Таким образом, основным компонентом хозяйства у берельцев было экстенсивное скотоводство, с явным преобладанием удельного веса коневодческого направления, обусловленного спецификой экосистемы региона. Скотоводство в горных и предгорных условиях Казахского Алтая было связано с вертикальным способом сезонного кочевания с зимних пастбищ в межгорных впадинах на высокогорные летние, с небольшой амплитудой, т.е. жестко привязано к экосистеме региона.

Если посмотреть на ландшафтные условия межгорной Нарымско-Бухтарминской впадины – от начального узла Табын-Богда-уула до правого берега Иртыша, куда он выходит (примерно 400–450 км, высотное колебание от 2500 и ниже 1000 м над уровнем моря; в центре – «геррос» с Берельским царским некрополем), то видим интересную картину ступенчатого расположения на значительном расстоянии и погребальных памятников, и соответственно летних и зимних пастбищ.

У каждой группы населения, в зависимости от занимаемой им ниши (ступени), были свои родовые территории – зимники и летние высотные пастбища для сезонного выпаса скота. Поэтому те модели кочевничества, которые бази-

ровались исключительно на условиях аридной экосистемы [Толыбеков, 1971; Масанов, 1995], не вполне применимы для изучения хозяйственно-культурного типа высокогорных, горно-долинных и предгорных зон, к числу которых относится район Берельских курганов в Казахском Алтае.

Богатые минерально-сырьевые ресурсы (геологическая среда) региона еще в эпоху бронзы способствовали развитию здесь горно-металлургического производства. В предгорных районах Восточного Казахстана, как известно, располагаются самые известные в мире рудные пояса, в том числе Калба-Нарымский золоторудный, полиметаллический, протянувшийся с северо-запада на юго-восток региона, железорудный, в низовьях реки Бухтармы, и др., которые служили мощной сырьевой базой и создавали наиболее благоприятные условия для комплексного развития экономической базы кочевнического общества древних берельцев.

Добыча руды золота, железа, олова и меди, транспортировка и обогащение требовали от населения региона мобилизации значительных людских ресурсов, организации труда, совершенствования технологических циклов и, что не менее важно, обеспечения защиты промышленных объектов от возможной внешней агрессии.

Работа на горных выработках и шахтах открытого или подземного типов предполагает специализацию, поэтому существовал, видимо, определенный слой свободного и невольного (рабского?) труда людей, постоянно занятых на приисках, и персонала, осуществляющего надзор над производственным процессом.

Металлургическое производство, металлообработка (например, изготовление тончайших листов из золотой проволоки, штамповка и другие операции) также требовали формирования определенного слоя населения, владеющего специальными знаниями и навыками, а также наличия стационарных населенных пунктов – поселений, где должны размещаться металлургические печи, мастерские и другие необходимые для производства и хранения готовой продукции помещения.

Люди, занятые на добыче и в производстве, составляли, возможно, в отличие от подвижных скотоводов, определенную прослойку в социальном организме пазырыкского общества и от-

носились к категории малоподвижных (оседлых). Конечно, состояние «оседлости» в социально-экономической структуре этого общества носило во многом условный характер, так как переход в иную категорию «непосредственных производителей» происходил легко. Их образ жизни, общественно-поведенческие нормы были адаптированы к условиям труда и проживания. Вполне возможно, что практиковалась система временного или сезонного найма на тяжелый труд горнодобытчика из числа малообеспеченных членов (кочевой) общины. Поэтому ранжированная структура пазырыкского общества может характеризоваться в плане жизнедеятельности всего сообщества взаимоотношением и интеграцией между богатыми скотовладельцами и малоимущими и частью социальной группы, занятой нескотоводческой деятельностью. К малоподвижной части населения относятся, возможно, некоторые группы ремесленников, ювелиров и текстильщиков.

Трудно сказать об удельном весе горно-металлургической отрасли в хозяйственной системе пазырыкцев, о том, насколько весомым и престижным был и считался труд людей, занятых на этом производстве. Нам представляется, что по уровню организации производства и затрат эта отрасль была самой сложной и тяжелой, несмотря на то, что по своей хозяйственной значимости в системе жизнедеятельности пазырыкского социума она уступала только главному направлению экономики – скотоводству.

Бронзовые изделия, найденные в Берельских курганах, – удила, наконечники стрел, зеркала, кольцо, колчаный крюк, скульптуры орлов и другие, отлиты в специальных формах, а железные удила, ножи – кованые, что свидетельствует о дифференцированном подходе к технологии металлообработки у древних кочевников.

Об особой важности золотодобычи у алтайских племен в эту эпоху косвенно свидетельствует античная легенда о стерегущих золото грифах и борьбе их с аримаспами (конечно, при доказательстве, что легенда относится именно к алтайскому населению).

Мерилом богатства в этих условиях выступает количество скота (табуны породистых лошадей), а престижности – высокохудожественные вещи из золота и других драгоценных материа-

лов. Скот нужно было выращивать и содержать, а металл – добывать своими силами.

В курганах Береля сохранилось большое количество изделий из дерева: украшения конского парадно-ритуального снаряжения, декор костюма человека, инструменты и т.д. Как показали исследования, элементы простой резьбы лезвием ножа в той или иной мере присутствуют почти во всех видах деревообработки. Трапезнический и сравнительно-типологический анализы следов показали, что берельские мастера-деревообрабочики использовали различные виды инструментов.

Обработка шерсти животных, прядение и ткачество, а также изготовление войлочных изделий являлись традиционным занятием кочевых народов. Исследование природы волосяных структур, в частности волос фетра из кургана № 11, показало, что они могут принадлежать овцам и козам. Отсутствие частичек пигмента в составе волос свидетельствует об их белой окраске при жизни животных. Наряду с импортом, развивалась местная традиция изготовления текстильных изделий.

Изготовление из шкуры и кожи различных компонентов мужского и женского костюма, адаптированного к сезонным и другим условиям климата региона и с учетом социального положения различных групп населения и рода занятий, составляло важнейшее направление их производственной деятельности.

В свете находок 66 роговых изделий только в одном кургане № 36 и значительного количества других костяных предметов, Берельский микрорайон становится одним из крупнейших центров художественной косторезной обработки не только Алтая, но и Евразии в рассматриваемое время.

Охота на промысловые виды мясных животных и пушных зверей имеет, кроме сугубо экономического, военно-стратегического, социокультурный и мифоритуальный аспекты, которые учитывались многими исследователями при различных историко-культурных реконструкциях.

Изготовление керамической посуды у древних берельцев – явление заметное в хозяйственно-культурной жизни, поэтому она, среди прочих вещей, входила в состав погребального инвентаря для сопровождения умершего члена социума в инобытие.

Итак, мы на основе материалов, выявленных в Берельских курганах, коротко охарактеризовали основные направления хозяйственной деятельности древних кочевников Казахского Алтая.

Специфический тип скотоводческого хозяйства – яйлажно-горно-долинный, адаптированный к соответствующей природно-экологической нише, определял господствующее направление экономики и образа жизни, но не являлся единственным способом жизнеобеспечения и жизнедеятельности. Многоотраслевую экономику древних берельцев можно охарактеризовать как полукочевую, адаптированную к особенностям стыковой зоны горно-долинного ландшафта с открытым степным пространством. Яйлажное (полукочевое) скотоводство К.А. и А.К. Акишевы считают максимально адаптированной формой хозяйства в «полосе гор» Тянь-Шаня, Саур-Тарбагатай и Алтая. С этим нельзя не согласиться. Также следует согласиться с утверждением авторов о том, что полукочевое скотоводство немыслимо без существования оседлости значительное время года и постоянных зимовок. Однако мнение о том, что такая форма скотоводства предполагает наличие земледелия, справедливо только для полосы гор Тянь-Шаня, но пока не подтверждается данными по предгорной полосе Алтая [Акишев К., Акишев А., 1997, с. 30–37].

Кроме скотоводства, существенную роль играли горно-металлургическая отрасль, ремесленное производство и др. Безусловно, у кочевников этого региона также, как и у других родственных им степных кочевников, были достаточно серьезные экономические связи, обмен и контакты как внутри кочевого мира, так и с другими народами сопредельных территорий, а также с оседло-земледельческими центрами и с более отдаленными этнокультурными областями.

Социальная структура древних берельцев. Материалы из Берельских курганов со всей очевидностью свидетельствуют о существовании у древних кочевников изучаемого нами региона (как части пазырыкской историко-культурной общности) реального гетерогенного общества с глубоко зашедшим процессом расслоения и с соответствующей имущественной дифференциацией, которые получили отражение в более чем 70 погребальных памятниках.

Социальная структура и институты власти в пазырыкском обществе сложились, по-видимому, не позже (если не раньше), чем у европейских скифов, для которых переход от племенного объединения к раннеклассовому обществу и государству произошел, по мнению некоторых исследователей, в V–IV вв. [Раевский, 1977, с. 161–163; Мозолевский, 1987, с. 21].

Пазырыкское кочевническое общество Алтайской горной системы, более самодостаточное, чем царство северопричерноморских скифов, которое оказалось непосредственно втянутым в орбиту античного культурного комплекса, в изучаемый период, перешагнув стадию «суперсложного вождества», находилось на уровне ранней государственности конфедеративного устройства. Во главе такой конфедерации (с конца VI в. до н.э. до конца III в. до н.э.) поочередно могли находиться лидеры («цари») сначала Туэкта-Башадарского альянса, затем собственно Пазырыкского и на последнем этапе существования государственности – Берельского, которые, в свою очередь, имели местные структуры, управляемые своими вождями.

В функции вождей входили, возможно, организация охраны внешних рубежей, сбор податей, решение внутрплеменных и межплеменных вопросов, организация производства, распределение прибавочных продуктов между центральной властью и пазырыкцами. Такая схема развития пазырыкского «единого потестарно-политического образования» возможна в случае признания формирования пазырыкской культурной общности на базе развития «местного раннекочевнического культурного комплекса», для которого воздействие внешних катализаторов (Китай, Ахеменидская Персия или другие, в том числе и земледельческие центры), по-видимому, не является непременным консолидирующим условием. Под местным раннекочевническим культурным комплексом нами подразумеваются в основном материалы таких памятников, как Аржан, Майемер (включая результаты наших новых исследований), Шиликты (Байгетобе) и Талды-2, которые характеризуют не просто один культурно-хронологический горизонт и маркируют единую зону формирования, но и демонстрируют генетическое родство и близость этнокультурного облика. Поэтому

начальный этап сложения пазырыкской культуры на Алтае не следует связывать с актом подчинения неким «мигрантам» [Васютин, 2003, с. 20]; таковых, скорее всего, не было.

Племена предгорных зон Алтая были вовлечены в те же этнокультурные процессы, что и население горно-долинных зон. Анализ этого феномена – предмет другого исследования. Предположение Л.С. Марсадолова о происхождении пазырыкской культуры в результате проникновения на Алтай переднеазиатских «изгнанников-киммерийцев», которые, вытеснив или покорив местных, в том числе майэмирские племена, распространили здесь свой культурный комплекс, основано на формальном сходстве некоторых элементов погребальной обрядности и категорий вещей, не вытекает из реального состояния изученности проблематики, поэтому пока не может быть всерьез воспринято [Марсадолов, 2000, с. 35–36].

Два кургана некрополя – № 1 и 11, выделяются среди известных на сегодняшний день памятников Алтая по параметрам и расположению в пространстве могильного поля, соответствующим обрядом погребения, набором обязательных и престижных вещей, бронзовыми позолоченными скульптурами грифов – символов принадлежности к правящему «золотому роду», инсигнией власти – штандартом, а также сопроводительными захоронениями самого большого количества коней (17 и 13 соответственно), и могут быть квалифицированы как «царские». Здесь нужно оговориться, что наличие погребенной элиты общества рядом с царскими курганами пазырыкцев отражает, в отличие от Герры «царских скифов» Северного Причерноморья, специфику сложившейся структуры власти у древних кочевников Алтая, основанной действительно на династийных традициях, но не является показателем «догосударственного характера их потестарно-политической системы» [Васютин, 2002, с. 63–71].

Б. Дженито, который попытался разобраться в сложной природе социальных связей кочевников от нуклеарной семьи как базовой единицы через линиджи, кланы до вершины этой пирамиды во главе с царем (и его родом), отмечает, что сложно археологически отслеживать различия между вождеством, сложным вождеством и ранней государственностью (постплеменной,

предгосударственной и даже «имперской») при разработке глобальных научных проблем, связанных с социальной организацией кочевников [Дженито, 1994, с. 11–14].

Курган № 1, судя по дендрохронологии и радиоуглеродным данным, старше кургана № 11. Следовательно, человека, погребенного под курганом № 1, при решении некоторых вопросов, связанных с синхронизацией пазырыкских памятников, можно считать первым царём-объединителем алтайских племён в единое государство в IV (возможно, V) в. до н.э. После его смерти (через несколько десятилетий) к власти пришел человек, погребенный под курганом № 11, который представлял либо прежний правящий Дом, либо его другую ветвь, либо иной, но близкородственный кочевой клан. В этой связи отметим интересное мнение Д.Е. Ануфриева (поддержанное С.А. Васютиным, А.А. Тишкиным и П.К. Дашковским и др.) о возможности существования на Алтае в это время нескольких политарных центров номадов, среди которых предлагается выделить Бухтарминскую группу вокруг курганов Береля [Ануфриев, 1997, с. 110]. К таким центрам следует уже добавить Баян-Ульгийскую группу (или весь Монгольский Алтай) и, возможно, группы в Синьцзяне (китайская часть Алтая, Турфан и др.). Количество таких групп может быть больше или меньше, это неважно. Важно, выяснить, что из себя представляли подобные центры (или группы) – конфедеративного типа государственное объединение с единым политико-административным центром или разобщенные, слабо интегрированные между собой, но близкие по облику культуры, мировоззренческому ориентиру, образу жизни и хозяйственному укладу автономные (племенные) образования?

Если допустить, что все-таки существовал единый политический центр во главе с царём, то вся система административно-территориального деления должна была строиться по универсальному троичному принципу: Правое крыло – Центр – Левое крыло. Если Центр находился в Нарымско-Бухтарминской впадине, маркируемой двумя царскими курганами Береля (во всяком случае, на последнем этапе существования государственности, в канун агрессии хунну, к чему мы пока склоняемся), то правое крыло составляла, возможно, вся Горноалтайская группа,

левое – Баян-Ульгийско-Синьцзянская группа, а Центр – плато Укок – Иртышско-Калбинская и Зайсанская впадины (возможно, до Балхаша). При этом необязательно, чтобы эти «крылья» были равнозначны во всех отношениях.

На разных стадиях развития пазырыкская культура имела разные территориальные очертания, поэтому исследователи предполагают существование нескольких центров пазырыкского объединения, например, Центральный Алтай, где зафиксировано наибольшее количество элитных памятников. Пока неясно, с каким Центром можно связывать начальный этап формирования государственности у пазырыкцев: с Бухтарминским, с предгорной полосой или с Центральным Алтаем и др.

Социальная структура пазырыкского общества, как свидетельствуют материалы царских, элитных, средних и рядовых курганов, при наличии резкой имущественной и социальной дифференциации, разноэтничности и других факторов представляла собой, безусловно, очень сложный организм.

Возвращаясь к параметрам курганов могильника Берел, отметим, что, кроме выделенных нами двух «царских», содержащих престижные вещи – индикаторы, и захоронения коней – погребения первой и второй групп относятся к категории элитных, для возведения которых общество мобилизовало определенные людские, материальные и организационные ресурсы. Курганы четвертой группы, расположенные вдали от крупных курганов, на самой периферии и имеющие небольшие диаметры, не более двух сопроводительных захоронений коней и небольшое количество инвентаря, принадлежат, скорее всего, воинам и рядовым членам общества. В то же время нельзя сказать, что погребенные в курганах четвертой группы представляют беднейшую часть берельского социума: как минимум, это свободные общинники, которые составляли основу общества. Погребения этой группы содержат от одного до четырех сопроводительных захоронений коня (курган № 30). Если считать могильник Берел местом погребения кочевой элиты, то различия в параметре курганов, в составе инвентаря и другие объясняются дифференциацией внутри самой кочевой аристократии.

Допуская возможность существования государственности у пазырыкцев, а не вожества или сложного (даже суперсложного) вожества как протогосударственного образования мы должны учитывать мнение А.М. Хазанова о невозможности существования такого государства продолжительное время за счет внутреннего развития кочевых обществ; оно должно или инкорпорировать в себя часть внешнего мира, представленную его оседлым населением, или прямым или косвенным образом подчинить себе оседлое население [Хазанов, 2000, с. 451].

Традиционно специалисты указывают на высокую степень милитаризованности пазырыкского общества. Однако Берельские курганы в этом отношении, как мы уже отмечали, достаточно скромны, что позволило нам сделать предположение о слабой милитаризованности берельского социума.

Что касается половозрастной структуры берельского социума, то на этом этапе исследований подводить итоги рано. Можно пока отметить отсутствие детских и малочисленность женских погребений. Статус женщин, погребенных в парных захоронениях элитных курганов (№ 8, 9, 11 и др.), судя по обряду и остаткам сопроводительного инвентаря, был очень высоким. Достаточно напомнить женское захоронение из кургана № 11. Одиночные женские захоронения здесь ещё не зафиксированы. Только в одной могиле с подбоем на соседнем могильнике Тарасу, оставленной, видимо, рядовым свободным населением общества, погребена женщина 20–25 лет, восстановленный по черепу облик которой (заметная монголоидность и др.) можно считать характерным для женской популяции всего берельского общества.

Таким образом, рассмотренный нами материал из Берельских курганов свидетельствует о достаточно сложной социальной стратификации кочевого общества.

Вопросы датировки Берельских курганов.

Целая серия радиоуглеродных дат курганов № 11 и 18 получена по представленным нами образцам в лаборатории радиоуглеродного датирования ИИМК РАН в г. Санкт-Петербурге, Киеве и Берлине. Путем многочисленных и сложных корректировок с учетом результатов дендрохронологического анализа И.Ю. Слюсаренко авторами коллективной монографии «Ев-

разия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология» [2005] для кургана № 11 установлена дата – около 322 г. до н.э., которая, в принципе, совпадает с археологической датой памятника, предложенной нами.

На данном этапе исследований нет основания для удревнения возраста Берельского памятника, считаем, что IV–III вв. до н.э. – наиболее вероятное время функционирования некрополя, в материалах которого отражены исторические события и этнокультурные процессы в Центральной Азии.

Вопросы культурно-этнической атрибуции материалов Берельских курганов.

Культурная принадлежность исследованных памятников некрополя Берел определяется с большей долей вероятности как «пазырыкская», существовавшая с V в. – до конца III в. до н.э.

Ареал пазырыкской культуры охватывает, вероятно, всю Алтайскую горную систему с прилегающими территориями: с запада – часть Казахского мелкосопочника, с юга – северо-восточное Жетысу, на востоке, возможно, доходит до пустыни Турфана и Тарима, во всяком случае они входили в зону диффузии и контактов.

Формирование пазырыкского культурного комплекса на Алтае связывается некоторыми исследователями с инфильтрацией какого-то «нового населения» с запада, ассимилировавшего через некоторое время местные племена [Тишкин, Дашковский, 2007, с. 291].

Появление захоронений с конем в колоде, заключенной в срубе, с восточной ориентировкой головы умерших и многих элементов материальной культуры и образов изобразительного искусства в среде кочевых народов Алтая, по мнению Л.С. Марсадолова, связано с проникновением сюда киммерийцев [Марсадолов, 2000, с. 35–36]. Археологически не прослеживаются пути передвижения какого-то этнокультурного массива из указанного региона на Алтай в рассматриваемый период. Некоторые авторы небезосновательно полагают, со ссылкой на источники, что движение степных племен происходило в VII–VI вв. до н.э., наоборот, с востока на запад [Мачинский, 1971, с. 33–34].

Относительно элементов в погребальной практике у коневодческих племен Алтая и полосу гор, упомянутых выше, отметим, что они существовали здесь и раньше, но в других вари-

ациях и в иных сочетаниях, поэтому едва ли нужно связывать инновации в обрядово-ритуальной сфере с импульсом из Передней Азии, а следует искать, прежде всего, в трансформациях в идеологии и мифоритуальном комплексе у местных племен, которые произошли в результате сложных и многообразных процессов на пути к консолидации.

Полагают, что на формирование пазырыкской общности могли оказать влияние события, которые происходили на Востоке после создания в 553 (550) г. до н.э. Ахеменидской державы, положение в древнекитайских царствах, враждовавших между собой до создания в 221 г. до н.э. централизованного государства императором Цин Шихуанди.

Что касается воздействия на центральноазиатские события похода Александра Македонского, то такое могло происходить только после его смерти в 323 г. до н.э. уже со стороны Греко-Бактрийского царства и других государств Среднего Востока. До похода Александра различного рода контакты пазырыкцев могли происходить с Бактрией, Согдой и Хорезмом, которые считались при Ахеменидах их номинальными сатрапиями.

При выяснении истоков пазырыкской культуры Алтая, по-видимому, нужно отталкиваться от памятников Курту, Измайловка, Когалы, Майэмир, Курук, Чиликта в Восточном Казахстане и недавно открытого Талды-2, тяготеющего ближе к зоне горной полосы Западного Алтая, а также Аржана в Тыве и других, имея в виду, что они могут быть генетически связаны с Бегазы-Дандыбайским феноменом.

Что касается трансформации пазырыкской культуры, то, наверное, она началась в результате эпизодических набегов хунну задолго до образования на рубеже III–II вв. до н.э. державы Модэ шаньюя.

Окончательное поражение юечжи (возможных создателей пазырыкской культуры) от хунну, по версии Н.Н. Крадина, относится, примерно, к 208 г. до н.э., а С.Г. Кляшторный и Д.Г. Савинов указывают на 165 г. до н.э. [Крадин, 2002, с. 61; Кляшторный, Савинов, 1998, с. 171]. Одну из этих двух дат мы можем считать началом трансформации пазырыкской археологической культуры под воздействием неблагоприятных внешних факторов.

В материалах двух «царских» курганов Береля мы не видим даже самых отдаленных признаков влияния ни ахеменидской, ни античной, ни китайской культур. Естественно, невозможно исключить контакты (дипломатического, военного, торгово-экономического и культурного характера) древних кочевников Алтая с «внешним миром», но и нет в их памятниках материальной культуры явных свидетельств (за исключением незначительного количества престижных импортных вещей в элитных погребениях), указывающих на насильственные внешние воздействия, которые привели к кардинальным изменениям этнокультурного облика местного населения.

Вопрос, связанный с этнической атрибуцией берельских памятников, остается дискуссионным. Геродот оставил легендарные сведения о племенах, как тесно соприкасавшихся с северопричерноморскими скифами, так и более отдаленных. Известно, что многие свидетельства были почерпнуты им от путешественников-информаторов. Один из них, Аристей из Проконнеса, после своего путешествия к гиперборейцам оставил любопытные рассказы об аримаспах и племенах грифов, живущих в стране холода, среди высоких гор, где снежные хлопья похожи на птичьи перья, услышанные им якобы у исседонов. Они занимались добычей золота, а их соседи – аримаспы (по-гречески – одноглазые, но в этнониме *arimaspi*, особенно, во второй его части, некоторые учёные усматривают значение «конь» или «друзья коней» – *aryamaspa*) постоянно нападали с целью похищения у них этого богатства. Источники сообщают также об аргиппеях и других, соседних с грифами, племенах.

Исследователи по-разному локализируют эти племена: одни – на Урале, другие – на Алтае и в его предгорных пространствах и связывают с различными археологическими культурами – пазырыкской, тасмолинской и др. Д.А. Мачинский последовательно отстаивает мнение о локализации «златостерегающих грифов», одноглазых аримаспов, и «златотекущего потока Плутона» в районе западного предгорья Алтая, верховьем Иртыша и Зайсанской котловины с выходом на северо-восточное побережье озера Балхаш.

Ключевым моментом в античных источниках и в их толкованиях у Д.А. Мачинского для

нас следует считать размещение аримаспов «выше» исседонов, что означает «восточнее» или ближе к «полюсу холода» – в Рипеях, где вечные снега, откуда дует Борей на западные предгорья Алтая, Черный Иртыш и озеро Зайсан. Здесь находится самый богатый в Евразии Калбинский золоторудный пояс [Мачинский, 1997, с. 86].

«Златотекущий поток Плутона», по Эсхилу, возле которого живут воинственные скотоводы – аримаспы может отражать некий производственный процесс, связанный с добычей россыпного золота в пределах Южного Алтая.

Что касается «одноглазости» аримаспов, то это может быть связано с ношением во время проведения особо важных для социума ритуально-обрядовых мистерий специальной маски или нанесением татуировки. Античные легенды отражают события, хоть и искаженно, которые реально происходили на Алтае и прилегающих к нему территориях в середине I тыс. в среде близких по хозяйственно-культурному облику и мировоззрению скотоводческих народов. Это подкрепляется и тем, что названные античные легенды имеют чрезвычайно интересные типологические параллели в китайских письменных источниках.

Палеогенетический материал, полученный В.И. Молодиным и Н.В. Полосьмак в результате раскопок на плато Укок, указывает на наличие самодийского компонента у пазырыкской популяции [Молодин, 2000, с. 131–142]. Относительно происхождения этого компонента существует несколько версий [Молодин и др., 2000, с. 63–65]. Т.А. Чикишева делает интересный вывод о близкой основе этногенеза пазырыкцев и сако-усуньского населения Жетысу и Центрального Тянь-Шаня [Чикишева, 2003, с. 113]. Однако данный вывод пока слабо подкреплен полноценным материалом из южных регионов; для сравнительного изучения нужны данные, полученные с использованием новейших антропологических и палеогенетических исследований.

Имели ли «юечжи» (или их часть) прямое отношение к созданию пазырыкской культуры Алтайской горной системы, полной уверенности в этом, конечно, нет. Какие племена и народы (пришлые и аборигенные) объединены под этим собирательным этнонимом – мы точно не знаем.

В то же время мы не исключаем, что у пазырыкского государства с ядром на Алтае был иной этнополитический облик, но на определенном этапе своего развития оно находилось в данническом отношении с юечжи, которые в IV–III вв. до н.э. достигли апогея своего развития.

Таким образом, материалы Берельских курганов наглядно отражают те сложные исторические и этносоциокультурные процессы, которые происходили в IV–III вв. до н.э. внутри конкретного социума, а также важнейшие военно-политические события в масштабах Евразии.

Способы ведения скотоводческого хозяйства; технология обработки продукции животноводства и природных материалов – дерева, металла, камня; оптимальные формы мобильного жилища и средств передвижения; орудия труда и предметы быта; покрой одежды, ювелирное дело; некоторые виды оружия ближнего и дальнего боя, защитных доспехов и военного снаряжения, особенно, предметы конского снаряжения и многие другие компоненты, выработанные в среде древних кочевников I тыс. до н.э., оказали существенное влияние на формирование культурных комплексов у многих народов Центральной Азии эпохи средневековья и последующих периодов, в том числе и на сложение традиционной кочевой культуры казахского этноса.

Литература

Акишев К., Акишев А. Саки Жетысу: социум и культура // Новости археологии. – Туркестан, 1997. – С. 30–37.

Ануфриев Д.Е. Социальное устройство пазырыкского общества Горного Алтая // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: матер. Всерос. науч. конф. – Барнаул, 1997. – С. 108–111.

Васютин С.А. Типология потестарных и политических систем кочевников // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Сер. Цивилизационное измерение. – Т. 6. – М., 2002. – С. 63–71.

Васютин С.А. Моделирование потестарно-политической системы пазырыкского общества // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: сб. науч. тр. – Кн. I. – Барнаул, 2003. – С. 19–24.

Дженито Б. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников

азиатской Сарматии. – Вып. I. Савроматская эпоха. – М., 1994. – С. 11–17.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с., 173 илл.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. – М.: Логос, 2002. – 312 с.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: матер. Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения А.Д. Грача. – СПб., 1998. – С. 169–177.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис... д-ра культурологии. – СПб., 2000. – 56 с.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). – Алматы; Москва: Социнвест-Горизонт, 1995. – 320 с.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 13. – Л., 1971. – С. 30–54.

Мачинский Д.А. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV – середине I тыс. до н.э. // Стратум: структуры и катастрофы: сб. символич. индоевр. истории. – СПб., 1997. – С. 73–94.

Мозолевский Б.Н. Вопросы этносословной структуры населения Скифии: тез. докл. Всесоюз. семи-

нара, посвящ. памяти А.И. Тереножкина. – Ч. 2. – Кировград, 1987. – С. 21–23.

Молодин В.И. Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 4 (4). – Новосибирск, 2000. – С. 131–142.

Молодин В.И., Ромащенко А.Г., Воевода М.И., Чикишева Т.А. Мультидисциплинарный анализ носителей пазырыкской культуры (археология, антропология, генетика) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология: сб. ст. – М., 2000. – С. 59–66.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринской долины и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях: матер. конф. – СПб., 2007. – С. 291–299.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века: политико-экономический анализ. – Алма-Ата: Наука, 1971. – 633 с.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племён. – М.: Наука, 1977. – 216 с.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Вып.1. – Новосибирск, 2003. – С. 63–120.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – 3-е изд., доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 604 с.

Z.S. Samashev

Kazakh Altai in the Context of Ethno-Sociocultural Processes in Central Asia in the Second Half of the I Millennium BC.

(based on the materials of the Berel burial mounds)

In the article the author considers the problems of cultural genesis and political structure of the Scythian society, for example of the Berel burial mounds of Altai. Researchers believe that the formation of Pazyryk culture could be influenced by events in the East after the creation in 553 BC Achaemenid Empire; Position in the Ancient Chinese kingdoms before the creation in 221 BC, the centralized state of the Emperor Qin Shi Huang. The Berelians were a complex multi-ethnic society of early statehood and could be under vassal dependence from the Yuezhi, who might have created a Pazyryk culture. This indirectly said a weak militarization of the Berelians and possible differentiation within the aristocratic stratum of nomads. Pazyryks established contacts with Sogd, Bactria and Khorezm, which were considered satrapies in the Achaemenids. Methods of doing semi-arid farming with vertical roaming through mountain meadows, dwelling forms, clothes, ornaments and weapons of nomads I millennium BC influenced the formation of cultural complexes in many medieval peoples of Central Asia. Thus, the nomadic Kazakh culture inherited much from the Altai Scythians, whose ethnic shape changed in the era of the rise of the Huns after 208 BC.

Keywords: archeology, Altai, Kazakhstan, Berel burial mounds, Scythians, Pazyryk people, yuezhi, nomads, burials with horses, cult of griffin.